

А. Н. Ливанова (Санкт-Петербург)

О ЧАСТЕРЕЧНОМ СТАТУСЕ ТЕРМИНОВ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРИЕНТАЦИИ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследователей не перестает удивлять тот факт, что научное наследие М. И. Стеблин-Каменского, выдвинутые им когда-то положения, по-видимому, не подвержены устареванию. Так, в 1954 г. им была опубликована статья «К вопросу о частях речи»¹, уточняющая вслед за работами Л. В. Щербы основания, на которых выделяются части речи. В статье внимание уделено, в частности, существительному, местоимению, числительному и предлогу. Размышления в статье носят общий характер и не привязаны к материалу какого-либо отдельного языка. В данной публикации на норвежском материале рассматриваются и некоторые другие части речи. Мы постараемся показать, что подход Михаила Ивановича позволяет решить и проблемы, не затронутые в его работе.

Термины пространственной локализации в норвежском языке являются значительно более частотными, чем, например, в русском; к тому же они шире используются для обозначения иных отношений, нежели чисто пространственные. Нередко выявление их функции и статуса в том или ином типе языковых структур сопряжено с немалыми трудностями. Ограничимся в данной работе рассмотрением группы терминов, образующих пары единиц, указывающих на местонахождение и на направление движения: *bort* — *borte* «вдаль — вдали», *inn* — *inne* «внутри — внутри», *opp* — *oppe* «вверх — верху», *ut* — *ute* «наружу — наружи», *ned* — *nede* «вниз — внизу», а также пара *hen* — *henne*, которая в словарях переводится как «прочь — далеко в стороне»², хотя такой перевод далеко не полностью передает семантику этой пары терминов³. Рассмотрим также производные от перечисленных пар типа *borti*, *bortpå*, формально представляющие собой сложные слова — сочетания указанных терминов с предлогами.

Языковые окружения, в которых встречаются интересующие нас единицы, сводятся к следующим. Они могут использоваться в качестве обстоятельства в предложении: *Han er langt borte nå* / Он сейчас далеко; для выражения связи глагола с зависимым словом — видимо, как предлог: *Han gikk opp trappen* / Он поднялся по лестнице, или же вместе с предлогом: *Han gikk opp på trappen* / Он поднимался по лестнице; в составе сложного слова — как префикс: *de bortførte hans kone* / Они похитили его жену; в сочетании с глаголами: *Hun kom bort til ham og hilste på ham* / Она подошла к нему и поздоровалась; *Han reiste bort i går* / Вчера он уехал.

С глаголами такие термины пишутся то слитно, то раздельно и в различной последовательности, т. е. ведут себя как отделяемые частицы: *Politimannen førte tiltalte bort* / Полицейский увел обвиняемого, но *Den bortførte kvinnen gråt hele veien* / Похищенная женщина всю дорогу плакала.

Еще одна возможность употребления — в сочетании с предлогом, нередко без зависимого слова: *Han er langt borti skogen* / Он далеко в лесу; *Han gikk langt borti (skogen)* / Он зашел далеко (в лес).

Вопрос о частеречном статусе таких единиц, одной из особенностей которых является то, что семантика локализации и ориентации⁴ выражается разными формами одной лексемы, не нашел окончательного решения ни у зарубежных, включая норвежских, ни у отечественных лингвистов. Традиционная грамматика Августа Вестерна⁵ дает все эти термины в сравнении с немецким языком, но, хотя не может полностью игнорировать смысловые различия этих форм в двух языках, не приводит никаких объяснений.

В грамматике Бейту⁶ отмечаются некоторые различия в акцентуации наречий, союзов и предлогов, но не предлагается никаких критериев выделения этих классов. В связи с влиянием генеративной лингвистики в норвежском языкознании прилагаются усилия, направленные на пересмотр традиционной грамматики любой ценой, что, как нам представляется, далеко не всегда оправданно.

Типичным является следующий пассаж, непосредственно касающийся нашей темы: «Многие из слов, которые в данной грамматике считаются предлогами, традиционно называли наречиями»⁷. Имеются в виду выделенные курсивом слова в следующих фразах: *Jeg satte sykkelenn inn* / Я убрал велосипед внутрь; *Han må vente utenfor* / Ему нужно подождать снаружи; *Gi meg pengene tilbake* / Отдай мне деньги назад. По мнению авторов, подобная трактовка определяется синтаксисом указанных предложений. Такое мнение, казалось бы, не расходится и с мнением М. И. Стеблин-Каменского: «...предлог — это предлог, очевидно, потому, что то или иное отношение — содержание его значения, но выражать это отношение между словами есть в то же время его синтаксическая функция»⁸.

Наибольшую сложность вызывает толкование глаголов с такими префиксами и частицами; состоит она, в частности, в том, что «...име-

ется два экспонента значения (лексемы), как в сложных предложениях, напр. *in front of, because of...*, но два экспонента этой лексемы могут быть разделены другими конституентами»⁹. Своего решения проблемы автор не предлагает. Вестерн¹⁰ считает: «Те частицы, которые используются в норвежском языке для образования сложных глаголов, частично предлоги, а частично — наречия».

Бейту рассматривает вопрос в разделе «Сложные глаголы» и отмечает отсутствие регулярности в употреблении форм с частицами и префиксами¹¹, а также наличие не только смысловой, но и стилистической разницы между параллельными формами. В академической грамматике пишется дословно следующее: «Предлог... без зависимого слова можно назвать приглагольной частицей»¹². Наконец, все три термина в одной книге и в приложении к одному и тому же явлению употребляются в учебнике норвежского языка для иностранцев: «В качестве первого члена у огромного большинства сложных глаголов выступает предлог или наречие. Такие маленькие словечки называют также частицами...»¹³, и далее там же на с. 126: «Часто в связи с этим мы вместо обозначения „предлог“ пользуемся обозначением „частица“».

Итог всей этой путанице подводит Август Вестерн: «Да, в общем, безразлично, чем их считать»¹⁴, или более академичное: «Терминология, связанная с делением на части речи, не носит первоочередного характера в связи с этим»¹⁵...

Не можем с этим согласиться: «В зависимости от того, какие будут приняты общие определения или терминологические условности, тот же самый языковой факт может быть описан по-разному»¹⁶. Попытки четче определить частеречную принадлежность опорных для структуры языка и частотных слов важны, скорее, не столько в типологическом плане, так как «распределение слов по частям речи — не результат логической операции» и «не может быть речи о научной классификации»¹⁷, сколько для лучшего понимания того, как функционирует данный конкретный язык, например, чтобы выяснить, когда следует и когда не следует употреблять предлог вместе с частицей, и т. п.

М. И. Стеблин-Каменский строит изложение именно по порядку следования частей речи. Мы полностью поддерживаем следующую точку зрения: «Хотя для глубинного представления семантических единиц понятие части речи нерелевантно, при описании фактов конкретного языка отказываться от него нецелесообразно»¹⁸.

Разумеется, сложностей на пути решения нашей задачи немало. Как уже указывалось, одна из них — это наличие двух экспонентов у одной лексемы и возможность их дистанционного расположения в высказывании.

Второй нетривиальный момент — существование у интересующих нас слов словоизменительной парадигмы, своего рода склонения: «Нечто среднее между прежним падежным склонением и сло-

вопроизводством»¹⁹, что наречиям, а тем более служебным частям речи, в европейских языках не свойственно.

Далее, сложность представляет наличие составных форм (наречие + предлог), которые нередко пишутся в одно слово — *ut av* или *utav*, а также форм без предлога, но с наречием и с зависимым словом: «Когда речь идет о направлении, иногда предлог может выпадать после *inn, ut, ned, opp*»²⁰.

Как известно, «норвежские наречия — древнейшие слова, которые восходят к общегерманскому языку. Особенно следует здесь назвать некоторые из тех, что означают время, место или направление: *no, der, her, inn, ut, ned, opp, aust, vest, nord, sør*»²¹. Из наречий с пространственным значением развились и прочие функциональные варианты, но пространственное значение первично; это сохраняется и в современном языке, там где их употребление соответствует современным представлениям о наречии. Исследования показывают, что еще в древнегерманском языке наблюдалось «сосуществование трех структурных вариантов моделей глагола с частицами — наречие в позиции, наречие в постпозиции и глагольная основа с превербом»²².

Известно, что в древнеисландском языке единицы (из которых позже развились частицы и предлоги) во всех случаях воспринимались как отдельное слово. Существующие же в современном норвежском случаи — варианты со слитным и раздельным написанием частиц, различающиеся смыслом, — в нем не засвидетельствованы. Это, а также некоторые иные изменения сочетаемости исследуемых единиц с различными структурами, являющиеся синтаксическими по своей природе, обусловлены, как предполагается, переходом к связанному порядку слов, поскольку синтаксические изменения не происходят поодиночке²³.

В разных языках разные модели оформления глаголов получили неодинаковое развитие. О норвежском в классической грамматике норвежского языка²⁴ говорится: «Частицы, которые используются в норвежском для образования сложных глаголов, частью предлоги, частью наречия, напр. *frafalle, avbryte, oppbygge*. Но частица может и отделяться от глагола, так что получаем формы *falle fra, bryte av, bygge opp*. Последняя форма — самая исконная в норвежском и наилучшим образом соответствует естественной речи. Слитная форма, по-видимому, обязана, по крайней мере отчасти, влиянию немецкого, и ее употребления следует по возможности избегать». Это, однако, не совсем так. Есть глаголы, которые во всех формах употребляются с префиксом; есть параллельные пары с префиксом и частицей, как упомянуто выше, и, наконец, глаголы, употребляющиеся только с частицей. В свете данных об истории скандинавских языков, содержащихся, в частности, в цитированных выше работах, нельзя говорить об исконности лишь одной из указанных моделей.

Вероятно, из-за всех упомянутых сложностей делались попытки обойти проблему. Избегая ответа на вопрос о частеречной принад-

лежности указанных терминов локализации, норвежский лингвист Свейн Ли предпочитает называть их во всех рассматриваемых случаях просто «словами» — ord²⁵. Вряд ли это упрощает задачу. Видимо, для ее решения наиболее существенно найти приемлемые ответы на два вопроса: что такое слово и что такое часть речи.

Как нам кажется, наиболее емко суть положения дел со значением «слово» схвачена в высказывании И. А. Мельчука: «Слово — единица, всем понятная на уровне интуиции, но не поддающаяся строгому определению». Понятная на интуитивном уровне единица может для носителей языков иной структуры обладать иными свойствами, нежели «слово» — для европейца. Так, японский эквивалент «слова» — го — обозначает также и то, что в нашем понимании называется морфемой²⁶.

Большинство современных исследователей считают, что слово — слишком многозначный термин, чтобы его можно было использовать в целях классификации. В этих же целях важно: а) отличать словоформу от лексемы, б) различать словоизменение и словообразование.

В разрешении обеих указанных проблем необходимо учитывать такие характеристики рассматриваемых единиц, как отделимость и автономность. Учет их позволяет отличить слово в европейском понимании от морфемы (что для японского, с традиционной японской точки зрения, нерелевантно): «...чем большей линейно-синтагматической свободой внутри текстовой цепочки обладает морфологическая единица, тем ближе она по своим свойствам к автономной словоформе. Важнейшим из линейно-синтагматических свойств является *отделимость*... Те единицы, которые обладают этим свойством, вполне могут претендовать на то, чтобы также называться словоформами... единица А считается отделимой (от словоформы W), если существует такой контекст, в котором между А и W допустимо поместить по крайней мере одну бесспорную (т. е. автономную) словоформу»²⁷. Таким образом, орр в skjære орр «разрезать» — отделимая, но не автономная словоформа; а орр в gå орр «подняться наверх» (Hvor gikk han? Орр / Куда он пошел? Наверх) — автономная. Неотделимая же вовсе единица — это уже не словоформа, а морфема. Переходный феномен между словоформой и морфемой — клитика; обычно клитики хорошо отделимы. «Основным... признаком, по которому клитики противостоятся словоформам, оказывается фонологический (точнее, просодический): клитика определяется как *акцентно-несамостоятельная единица*...»²⁸. Она присоединяется к опорной словоформе — носителю клитики. Главное — наличие у клитического комплекса лишь одного ударения, клитика не обязательно безударна. Замечено, что среди прочих семантико-грамматических классов слов клитиками обычно бывают «пространственные модификаторы при глаголах»²⁹.

Таким образом, в языкознании не существует просто «слова», а есть словоформа как одна из трех возможных форм существования значимого (ср. «только наличие значения и делает слово словом»³⁰).

звукокомплекса, наряду с противопоставленной ей морфемой и промежуточной формой — клитикой.

Часть речи — также на интуитивном уровне — легко усвояемое понятие. Это касается классических, школьных, прототипических частей речи данного языка. Во «взрослой» же лингвистике теоретическим основанием выделения частей речи и обоснованию такого выделения уделяется немало внимания; свидетельство тому — и упоминавшаяся статья М. И. Стеблин-Каменского, в которой говорится о нелогичности признаков, по которым части речи выделяются. Каковы же эти признаки?

Для И. А. Мельчука, например, ведущим является формальный критерий: «Часть речи представляет собой класс лексем, участвующих в одном и том же наборе поверхностно-синтаксических конструкций»³¹. К формальным характеристикам как важнейшим, хотя и на других основаниях, склоняется и В. Б. Касевич: «Связь частеречной принадлежности слова с закономерностями его фонологического оформления... лишний раз свидетельствует о преимущественно формально-грамматических основаниях распределения слов по частям речи...: если бы эти основания были семантическими, трудно было бы, учитывая произвольный характер связи между означающим и означаемым, ожидать прямого „отображения семантики на фонологию“»³².

Есть, однако, и иные мнения. Так, Н. В. Перцов³³ полагает, что выделять части речи следует на основе функционального критерия, поскольку при одном и том же экспоненте функция и значение, а следовательно, и принадлежность к разным частям речи могут быть разными; это как раз имеет место в случае с норвежскими терминами локализации. Таким образом, на первое место выходит функционально-семантический критерий. И такая позиция обосновывается в авторитетных трудах: «Разбиение на части речи — в конечном счете, разбиение семантическое, но оно непосредственно опирается на формально-грамматические свойства слов, точнее, на их (преимущественно) грамматическую сочетаемость»³⁴.

На семантическом критерии в первую очередь строят свои выкладки и авторы норвежской академической грамматики, прежде всего при описании оснований, по которым выделяется класс предлогов³⁵.

Таким образом, можно сказать, что практически все исследователи ведут речь о «совокупности содержательного, синтаксического, морфологического критериев»³⁶, споря лишь о том, какой из них считать основным. Вслед за М. И. Стеблин-Каменским мы считаем важнейшим семантический критерий: «Единственное, что объединяет все эти основания, — это то, что все они из области значения»³⁷.

Представляется, что тут следует учитывать моменты порождения и восприятия речи. В процессе порождения (и для языкового сознания языкового коллектива), в становлении и развитии языка важнейшую роль играет семантический критерий, т. е. критерий основания, по которым происходит группировка слов, смысловые.

При вычленении же частей речи критериями служат в первую очередь морфологическое оформление языковых единиц и их синтаксические свойства, т. е. их функционирование.

Следует, очевидно, принять следующий вывод. Основания, по которым происходит процесс конституирования различных групп языковых единиц, — скорее функционально-семантические, а вот признаки их распознавания — скорее формальные, в том числе и фонологические, но с учетом семантики. Именно в таком ключе описывается процедура выделения частей речи в языках различных типов у Плунгяна³⁸.

Конечно, результаты этой операции не всегда оказываются до конца убедительными. Но, как отмечал М. И. Стеблин-Каменский, то, «что части речи не образуют стройной и последовательной системы, означает только, что грамматическая природа слова настолько сложна, что слова не поддаются последовательной грамматической классификации»³⁹. Или же, если оказывается трудно отнести слово (или группу слов) к какой-либо части речи, это может говорить о неустойчивом состоянии, переходном характере этой группы. На сочетании указанных выше критериев строится выделение Мельчуком уже упоминавшихся четко определенных семантических категорий локализации и ориентации — категорий, релевантных для распределения по частям речи рассматриваемой группы норвежских словоформ и выделяемых И. А. Мельчуком на базе рассмотрения немецких глаголов: «Категорией *локализации* называется такая категория, элементы которой характеризуют пространственную локализацию некоторого объекта или факта по отношению к данному объекту или (реже) факту — в терминах геометрической конфигурации. Сам термин *локализация* не является общеупотребительным; это легко объясняется тем обстоятельством, что данная категория почти никогда не обнаруживается в „чистом“ виде, в качестве автономной категории. Она связана с системами предлогов/последлогов...»⁴⁰

Локализация тесно связана с категорией ориентации II, которой «называется такая категория, граммы которой характеризуют направление разворачивания данного события по отношению к данному объекту.

Ориентация II выражается при обозначении объекта, указывая, как именно характеризуемый процесс ориентирован по отношению к этому объекту»⁴¹.

Именно такое сочетанное применение грамматического и семантического критериев (второе — в виде учета особенностей отражения пространственных отношений языком в том виде, в каком они представлены категориями локализации и ориентации II) подводит нас к следующему решению заглавной проблемы.

Рассмотрим по отдельности для каждого случая основания для отнесения рассматриваемых словоформ, с учетом степени их целепоформленности, к определенным частям речи.

Наиболее очевидными выглядят формы, представляющие собой крайние точки шкалы. И цельнооформленностью, и автономностью отличаются полнозначные слова, т. е. словоформы, — наречия. Именно так трактовал этот вопрос М. И. Стеблин-Каменский. Об отличиях от омонимичных им форм он говорит буквально следующее: «Приглагольное наречие отличается от предлога тем, что оно имеет лексическое, а не грамматическое значение и что поэтому оно является членом предложения, а не служебным словом, выражающим отношение между словами. Сравни *han gikk etter* „он пошел сзади“ и *han gikk etter ham* „он пошел за ним“.

Приглагольное наречие отличается от приглагольной частицы (или послелога) тем, что оно само по себе имеет лексическое значение, тогда как приглагольная частица имеет лексическое значение только вместе с глаголом. Сравни *han gikk opp* „он пошел наверх“ и *i det gikk opp for meg at...* „я понял, что...“⁴².

Особенность языковой норвежской ситуации — изменяемость наречий: «Некоторые наречия места демонстрируют изменения формы в виде своего рода склонения. При этом имеет место противопоставление направления движения и местонахождения»⁴³. В типологическом плане, однако, эта ситуация не уникальна, хотя морфологическая неизменяемость наречий как таксономической категории и считается их конституирующим свойством. Случаи наречного согласования известны, хотя и редки: характерно, что в приводимых примерах такого согласования⁴⁴ из типологически (и географически) далеких от норвежского языков (аварский и цахурский — с Кавказа, и даланджи — из Австралии) согласование наблюдается именно у локативных наречий, что, на наш взгляд, также свидетельствует о семантической (глубинной), а не формальной природе данного явления.

Вернемся к положению норвежских лингвистов: «Многие из слов, которые в данной грамматике считаются предлогами, традиционно называли наречиями»⁴⁵. При этом авторы имеют в виду выделенные курсивом слова в следующих фразах: *Jeg satte sykkelen inn* / Я поставил велосипед внутрь; *Han må vente utenfor* / Ему нужно подождать снаружи; *Gi meg pengene tilbake* / Отдай мне деньги назад. По мнению исследователей, подобная трактовка определяется синтаксисом указанных предложений. Такое мнение, казалось бы, не расходится и с мнением М. И. Стеблин-Каменского (курсив наш. — А. Л.): «...предлог — это предлог, очевидно, потому, что то или иное отношение — содержание его значения, но выразить это отношение между словами есть в то же время его синтаксическая функция»⁴⁶. Обратим, однако, внимание на выделенный курсивом фрагмент. Посмотрим вновь на предложения, использованные в качестве примеров авторами норвежской грамматики. Выделенные в них единицы не связывают глагол ни с каким иным словом в предложении; они лишь модифицируют действие, описываемое глаголом, т. е. выпол-

няют чисто наречную функцию. Порядок слов в любом из этих предложений можно поменять, поставив выделенные единицы, скажем, на первое место; можно, не расслышав, задать говорящему уточняющий вопрос, состоящий только из этого слова; при образовании страдательного причастия⁴⁷ от глаголов, использованных в указанных фразах (если это вообще возможно), термин локализации не образует вместе с ними сложного слова (это обязательно происходит, если речь идет о глаголе с приглагольной частицей) — иначе говоря, слово не только отделяемо, но и автономно. Следовательно, нет никаких оснований отказывать терминам локализации, выполняющим подобную функцию, в праве называться наречиями.

Сложнее трактовать употребление параллельных форм с наречием и предлогом (что параллельно русскому: Han gikk opp på trappen / Он шел вверх по лестнице) и форм лишь с одним термином пространственной локализации: Han gikk opp trappen / Он поднялся по лестнице. Большинство норвежских авторов считают эти формы равноценными. В первом случае перед нами, безусловно, наречие и предлог (по мнению норвежцев, это один составной предлог).

Во втором же напрашивается интерпретация opp как предлога, и так обычно норвежцами он и трактуется. М. И. Стеблин-Каменский считал, что здесь мы имеем дело с наречием, которое совмещает в себе функции наречия и предлога, как в следующих примерах: han løp opp (=oppad) bakken «он взбежал вверх склона (= вверх по склону)», lyset sivet inn (=innad) ruten «свет просачивался внутрь окна (= внутрь через окно)»⁴⁸. Однако легко заметить, что при беспредложном присоединении зависимого слова смысловый акцент делается на результате действия. Важно, что кто-то оказался наверху, пройдя по лестнице; в случае же, когда употребляется и предлог, акцент — на зависимом слове, т. е. самом процессе продвижения. Таким образом, отсутствие или наличие предлога говорит о характере протекания действия, выражая тем самым в некотором смысле видовые различия между двумя рассматриваемыми глагольными выражениями. Мы склоняемся к тому, что здесь мы имеем дело с приглагольной частицей, придающей глаголу значение завершенности действия и переходности, это косвенно подтверждается и интерпретацией В. Кристенсена⁴⁹. Рассматривая подобные случаи, он предположил, что главное отличие — в расстоянии, о котором идет речь: равном длине объекта, т. е. лестницы, во втором случае, и нерелевантности расстояния в первом — речь идет лишь о перемещении вдоль объекта. Легко заметить, что автор описывает явный случай действия семантической категории лимитативности — одной из категорий, тесно связанной с глагольными значениями совершенного и несовершенного вида. А ведь именно образование видовых значений глагола является характерной функцией приглагольных частиц-клитик (о чем далее).

Теперь же обратимся к предлогам как таковым и снова с опорой на работы М. И. Стеблин-Каменского. «В норвежском языке почти

все предлоги совпадают по своему звуковому составу с наречиями или приглагольными частицами, а некоторые предлоги совпадают по своему звуковому составу и с глагольными приставками»⁵⁰; в качестве примеров приводятся *fra, for, over*.

В то же время он указывает: «Предлог, очевидно, является предлогом только постольку, поскольку он выполняет свою грамматическую функцию, т. е. выражает отношение между знаменательными словами. Слово того же звукового состава, что и предлог, но не выполняющее этой грамматической функции, очевидно, нельзя считать предлогом, даже в том случае, если значение этого слова совпадает по своему содержанию со значением данного предлога...»⁵¹.

Сравним это четкое определение с формальным норвежским: «ПРЕДЛОГ: неизменяемые слова, которые могут составлять ядро зависимой от глагола, прилагательного или существительного группы. Наиболее распространены предлоги, управляющие следующей за ними субстантивной группой (*Hamsun har budd på denne garden / Гамсун жил на этом хуторе*). Предлог может использоваться и без зависимого слова: *Ho klatra opp (stigen) / Она взобралась вверх (по лестнице)*»⁵². Каким образом зависимое слово может отсутствовать, не объясняется.

Мы считаем, что для случаев с отсутствием зависимого слова следует различать две совершенно различных ситуации, и поможет в этом строгость в определении частей речи.

Первый вариант представляется достаточно очевидным: «...совершенно естественно, что между предлогом и наречием возможны и подлинные переходные случаи. Такие случаи имеют место, например, когда при слове, выражающем отношение, нет управляемого им слова, но такое слово легко восстанавливается из контекста — *det er store skabe med bøger i, kommer fra højre med hat på* (букв. „большие шкафы с книгами в“, „приходит справа со шляпой на“)⁵³.

Такой эллипсис возможен либо при наличии узкого контекста (*Vannet var varmt og behagelig i sjøen. Han stupte uti og tok retning mot holmen / Вода в море была теплой и приятной. Он нырнул и направился к островку*); либо при наличии широкого, нередко — экстралингвистического контекста (*Snart skal vi til Syden. Bare tenk deg å kunne sole seg, å stupe uti / Скоро поедем на юг. Только представь, будем загорать, нырять*).

Однако есть и более сложные случаи. «Предлог может не иметь зависимого слова (употребляться абсолютно), когда из контекста или ситуации ясно, что за слово имеется в виду, напр.: *det er lite om fuglen når fjøra er av / немного останется от птички, коли перышки прочь* (пословица)... От предлога в абсолютном употреблении всего шаг до наречия, и если языковая интуиция более не страдает из-за отсутствия зависимого слова, предлог принимает на себя функцию наречия, напр.: *låsen small i / замок захлопнулся; skipet gjekk under / корабль затонул*», — пишет Олав Бейту⁵⁴. Возможности исключения управляемого

слова создаются и в этом случае за счет семантических свойств высказывания: «Семантически обязательная валентность может быть поверхностно не выражена именно в силу своей обязательности — способ ее заполнения известен говорящему и слушающему, и тогда поверхностное выражение оказывается избыточным. Показательным примером здесь являются случаи дейктического заполнения начальной или конечной точки движения, ср. *Спасибо тебе большое, что пришел* (= сюда)... *Уйдите* (= отсюда), *Петр, ради Бога!*»⁵⁵.

Однако если это верно для первого из приведенных Бейту примеров, то в последних двух речь идет не о предлоге или наречии, но о приглагольной частице, в первом случае — видообразующей, во втором — словообразующей, поскольку значение глагола *gå under* не складывается из значений *gå* «уйти» и *under* «под».

Во втором же варианте, о котором говорят норвежские грамматисты, — ср. уже цитированный пример Форлюнна: *Ho klatra opp!* *Она взобралась вверх* — мы имеем дело не с предлогом и частицей, а с наречием в чистом виде. Этот случай мы уже подробно разобрали выше.

Как известно, особенностью скандинавских языков является большое количество составных наречий и предлогов⁵⁶. Для норвежского языка это положение дел усложняется тем, что вследствие сложившейся в стране уникальной языковой ситуации, когда развитие языка служило инструментом политической борьбы, нормы в норвежской орфографии крайне расплывчаты и неустойчивы: «Иногда такие сложные слова неустойчивы, и на письме встречается то раздельное, то слитное написание, как в случаях *ut av* или *utav* „из“ (чего-либо), *ut or* или *utor* (с тем же значением), или же если функции оказываются различными *inn i* „внутри в“ (направление), *inne i* или *inni* „внутри“ или „внутри в“ (местоположение)...»⁵⁷ Чаще всего все же встречается раздельное написание, слитное же следует отнести скорее на счет такого экстралингвистического фактора, как издержки языковой политики.

М. И. Стеблин-Каменский считал такие сложные слова «предлогом-наречием», поскольку они совмещают функции наречия и предлога в каждом отдельном случае своего употребления⁵⁸. Из других распространенных наречий-предлогов можно упомянуть *oppetter* «вверх по», *utover* «наружу по», *nedi* «внизу в» или «вниз в». Такие сложные слова, состоящие из наречия и предлога, также выражают отношение между знаменательными словами.

Далее следует рассуждение, с которым нельзя не согласиться: «Все эти функциональные эквиваленты предлога являются все же по существу «лжепредлогами», поскольку они сходны с предлогом только по своей функции, но совершенно отличны от него по своей семантической структуре. Между тем существенным признаком предлога является то, что он не только выражает отношение между словами, но что это его значение совпадает с его грамматической функцией. До тех пор пока не произошло полного семантического слияния компонентов «„лжепредлога“ в единое значение, т. е. до тех пор, пока

сохраняется, хотя бы и ослабленное, лексическое значение одного из компонентов „лжепредлога“... а следовательно, сохраняется и расчлененность его значения на лексическое и грамматическое, — до тех пор не может быть и речи о превращении „лжепредлога“ в настоящий предлог»⁵⁹. Можно только добавить, что в описанных случаях слитного написания можно говорить о синкретичном выражении категорий локализации и ориентации II.

Однако, хотя большинство грамматистов и не видят разницы в значении слитных и отдельных форм типа opprå и oppre på в Esken står opprå gulvteppet? Esken står oppre på gulvteppet, В. Кристенсен предположил, что разница состоит в том, что в первом случае не предполагается наличия некоей внешней точки отсчета местоположения (т. е. отражена только ориентация II, без локализации): приближенно к такому смыслу перевести эти фразы можно как «Коробка стоит на ковре» и «Коробка стоит наверху на ковре»⁶⁰. Это также свидетельствует о том, что в первом случае мы имеем дело с предлогом-наречием, приближающимся по функции к «чистому» предлогу, а во втором — с наречием плюс предлог, пусть это противопоставление пока лишь намечилось в языке.

Наименее четки критерии выделения такой части речи, как частицы. Создается впечатление, что в данную рубрику попадают все единицы, которые затруднительно отнести к какой-либо иной группе.

Начнем с того, что для норвежского будем различать лексическое и фонетическое слово. Написание в одно слово наречия и предлога, типа borti, связанное с тем, что они образуют одно фонетическое слово, еще ничего не говорит об их морфологическом слиянии.

Выше говорилось о переходном феномене между словоформой и морфемой — клитике. Клитики обычно хорошо отделимы, но самый общий их признак — наличие лишь одного ударения у клитического комплекса, при этом сама клитика не обязательно безударна. Важны и другие ее просодические свойства, для норвежского, в частности, — тонический акцент. Отметим, что в норвежском «между наречием, с одной стороны, и союзом и предлогом — с другой, обычно имеется разница в акцентуации, так что наречие имеет более сильное ударение, чем союз и предлог...»⁶¹.

Ю. А. Клейнер считает: «аАц. II возникает всякий раз, когда неопределенность морфологического членения позволяет допустить двусложность исходной формы данного слова, которая, таким образом, сближается с морфологически неделимой последовательностью слогов»⁶². В продолжение рассуждений можно сказать, что второй тон свойствен для приставочных слов, связывающихся в единый комплекс (слово), — такие словоформы обладают членимостью, но не отделимостью (это, например, отглагольные существительные типа orrgang «подъезд»); первый тон — для приставочных слов, у которых приставка и слово еще обладают отделимостью/членимостью; это как раз то, что у нас принято называть «глаголами с приглаголь-

ными частицами»⁶³, — или для тех, у которых они уже и не отделимы, и не членимы в обыденном сознании, а именно для чисто приставочных глаголов.

Напомним, что среди прочих семантико-грамматических классов слов клитиками обычно бывают пространственные модификаторы при глаголах (типа немецких и, как можно было убедиться, норвежских «отделяемых приставок»...) Для них характерны особые правила линейного расположения относительно друг друга, что верно и для норвежского языка.

Для глаголов с частицами следует различать следующие случаи:

1) с отделяемой частицей мы имеем дело, когда частица присоединяется лишь к форме причастия, а также в случаях, когда приставочный глагол лишь стилистически отличается от глагола с частицей (*innkreve* — *kreve inn* «затребовать», *utestenge* — *stenge ute* «изолировать»);

2) приглагольная частица-клитика — послелог — в случаях, когда наблюдается сдвиг значения (*gi opp* «отказаться», *sitte inne* (*med opplysninger*) «обладать» (информацией); причастия употребляются в таких случаях крайне редко);

3) частица — видовой модификатор образует глаголы со значением завершенности действия или полного охвата; исходное пространственное значение при этом оказывается полностью утраченным; параллельных форм с приставками не имеется. Эта функция у терминов пространственной локализации в норвежском языке находится в стадии формирования. Видимо, поэтому авторы норвежской академической грамматики⁶⁴ не видят разницы в значении фраз *Han drakk vinen* / *Han drakk opp vinen*, в то время как в первом случае речь идет о несовершенном, а во втором — о совершенном действии: *Он пил вино* / *Он выпил вино*.

Именно наличием параллельных форм с отделяемой частицей и с префиксацией, очевидно, можно объяснить наблюдающийся в норвежской лингвистической литературе разноречивый в том, что касается частеречного статуса подобных единиц, не обязательно терминов локализации — ср. рассуждения Хьелля Ивара Ваннебу о частеречном статусе слов, служащих обстоятельствами времени и причины, в публикации Норвежского совета по языку⁶⁵.

Будем считать префиксами лишь те из терминов локализации, что остаются таковыми во всех формах данного глагола, т. е. не обладают отделимостью; это как глаголы, имеющие лишь один вариант, — приставочный (*oppdage* «обнаружить»), так и глаголы из параллельно существующих глагольных пар — префиксальных и с отделяемыми частицами, принадлежащих различным функциональным стилям, в которых (парах) приставочные глаголы обычно имеют более абстрактное значение: *bortkaste* «отбрасывать» (но не *kaste bort* «выбрасывать»).

Итак, выступая в разных функциях, рассматриваемые термины и ведут себя по-разному с точки зрения и управления, и изменяемости,

и т. п. В тех случаях, когда при разных функциях терминов локализации их лексическое значение остается почти неизменным, можно говорить о грамматической омонимии этих терминов, возникшей в результате их конверсии как морфологического средства⁶⁶. Л. В. Малаховский называет такие случаи грамматической конверсии «гиперлексемами»⁶⁷.

Еще один возможный подход — воспользоваться одним из определений «слова»: «Слово как класс лексем, образующих словарную макроединицу, способную быть полисемичной» — «вокабула», и далее: «...может быть, понятие вокабулы следует расширить, включив также лексемы разных частей речи, но связанные словообразовательным приемом конверсии»⁶⁸; при последнем понимании *opp* в *oppøge* и в *høge opp* «прекратиться» — это одна вокабула; и только в этом смысле можно воспользоваться предложением Свейна Ли и называть все указанные термины локализации «словами»... Хотя вряд ли кто-нибудь всерьез считает уступительный союз «хотя» и деепричастие от глагола «хотеть» в русском языке одним словом (как бы его называть).

Мы все же придерживаемся более традиционной точки зрения и считаем, что можно предложить следующее решение проблемы. О словоформах («словах») можно говорить в двух случаях: 1) наречие — при сохранении лексического значения и отсутствии сдвига значения; 2) предлог — при наличии лишь грамматического значения, выражающего отношения между знаменательными словами в рамках категорий локализации и ориентации II. Противоположный случай — морфема (префикс) при полном отсутствии отделяемости. И наконец, промежуточная позиция — клитики (частицы): 1) отделяемая частица, при отсутствии сдвига значения; 2) приглагольная частица = послелог — при наличии сдвига значения; 3) частица — видовой модификатор.

Разумеется, вследствие расплывчатости самого понятия нельзя считать единственно верным и окончательным никакое распределение по частям речи; однако попытки найти возможно верное решение на основании знаний, доступных на данный момент, приближают нас к пониманию того, как функционируют языки (и функционирует Язык).

¹ Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974. С. 147–157.

² Аракин В. Д. Норвежско-русский словарь. М., 1963.

³ В норвежско-немецком словаре (см.: *Hustad T. Stor norsk-tysk ordbok*. Oslo, 1991) приведены приблизительные эквиваленты, но дается пояснение, что обычно эти норвежские слова не переводятся; в норвежско-английском словаре (см.: *Kirkeby W. Norsk-engelsk ordbok*. Oslo, 1986) для *hen* дается перевод «away», который, однако, не используется в переводе примеров; для *henne* никакого эквивалента не предлагается.

⁴ В трактовке категорий локализации и ориентации мы следуем за И. А. Мельчуком (Курс общей морфологии. М.; Вена, 1998. Т. II. С. 53, 57–58). Особенности выражения локализации при глаголах описаны также в работах В. А. Плуныя

- «К типологии глагольной ориентации» и Т. А. Майсак, Е. В. Рахилиной «Семантика и статистика: глагол „идти“ на фоне других глаголов движения» (см.: Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999).
- ⁵ *Western Aug. Norsk Riksmåls-Grammatikk*. Kristiania, 1921. S. 375–386.
- ⁶ *Beito O. Nynorsk grammatikk*. Oslo, 1970. S. 309.
- ⁷ *Faarlund J. T., Lie S., Vannebo I. Norsk referansegrammatikk*. Oslo, 1997. S. 412.
- ⁸ *Стеблин-Каменский М. И.* Указ. соч. С. 34.
- ⁹ *Sigurd B. Analysis of Partricle Verbs for Automatic Translation // NJL 1. S. 1995.*
- ¹⁰ *Western Aug. Op. cit. S. 375.*
- ¹¹ *Beito O. Op. cit. S. 146.*
- ¹² *Faarlund J. T., Lie S., Vannebo I. Op. cit.*
- ¹³ *Ryen E., Golden A., Mac Donald K. Norsk som fremmedsprek: Grammatikk*. Oslo, 1990. S. 108.
- ¹⁴ *Western Aug. Op. cit. S. 553.*
- ¹⁵ *Kristensen V. Noen distinktive trekk ved lokaliserende preposisjonsfraser*. Norskraft, 1985. P. 30.
- ¹⁶ *Стеблин-Каменский М. И.* Указ. соч. С. 59.
- ¹⁷ Там же. С. 20.
- ¹⁸ *Яхонтов С. Е. Понятийные категории, скрытые категории, таксономические категории // Типология. Грамматика. Семантика. СПб., 1998. С. 138.*
- ¹⁹ *Beito O. Op. cit. S. 311.*
- ²⁰ *Ibid. S. 321.*
- ²¹ *Ibid. S. 309.*
- ²² Сравнительная грамматика германских языков. М., 1996. Т. IV. С. 153.
- ²³ *Faarlund J. T. Reanalyse i diakron syntaks: fra preposisjon til verbalpartikkel i norsk // Материалы к докладу на заседании Копенгагенского лингвистического кружка в ноябре 1997 г. 1997.*
- ²⁴ *Western Aug. Op. cit. S. 377.*
- ²⁵ *Lie S. Inn i preposisjonsfrasen // Берковский сборник. М., 1996. С. 185; Id. Lokative og direktive uttrykk på norsk // MONS 7. Oslo, 1998. S. 114–115.*
- ²⁶ *Аллатов В. М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М., 1979. С. 9–38.*
- ²⁷ *Плунгян В. А. Общая морфология. М., 2000. С. 21.*
- ²⁸ Там же. С. 28.
- ²⁹ Там же. С. 30.
- ³⁰ *Стеблин-Каменский М. И.* Указ. соч. С. 32.
- ³¹ *Мельчук И. А. Курс общей морфологии. М.; Вена, 1998. Т. II. С. 254.*
- ³² *Касевич В. Б. Морфонология. Л., 1986. С. 12.*
- ³³ *Перцов Н. В. Грамматическое и обязательное в языке // Вопросы языкознания. № 4. 1996. С. 39–61.*
- ³⁴ *Плунгян В. А. Указ. соч. С. 249.*
- ³⁵ *Faarlund J. T. Op. cit. S. 417–418.*
- ³⁶ *Эйхбаум Г. Н. Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб., 1996. С. 58.*
- ³⁷ *Стеблин-Каменский М. И.* Указ. соч. С. 32.
- ³⁸ *Плунгян В. А. Указ. соч. С. 249.*
- ³⁹ *Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957. С. 23–24.*
- ⁴⁰ *Мельчук И. А. Указ. соч. С. 327.*
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. С. 143.*
- ⁴³ Сравнительная грамматика германских языков. С. 123.
- ⁴⁴ *Мельчук И. А. Указ. соч. С. 363–364.*
- ⁴⁵ *Faarlund J. T., Lie S. Op. cit. S. 412.*

- ⁴⁶ *Стеблин-Каменский М. И.* Спорное в языкознании. С. 31.
- ⁴⁷ Мы считаем, что неправильно отказываться от различия форм страдательного причастия и супина. Обоснование такого мнения выходит за рамки этой статьи, но мы предполагаем вернуться к этому вопросу в дальнейшем.
- ⁴⁸ *Стеблин-Каменский М. И.* Грамматика норвежского языка. С. 152.
- ⁴⁹ *Kristensen V.* Op. cit. P. 41.
- ⁵⁰ *Стеблин-Каменский М. И.* Грамматика норвежского языка. С. 150.
- ⁵¹ Там же. С. 150–151.
- ⁵² *Faarlund J. T.* Morfologi. Oslo, 1995. S. 32.
- ⁵³ *Стеблин-Каменский М. И.* Грамматика норвежского языка. С. 150.
- ⁵⁴ *Veito O.* Op. cit. S. 321.
- ⁵⁵ *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* Семантика и статистика: глагол «идти» на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 53–66.
- ⁵⁶ Сравнительная грамматика германских языков. С. 85, 105–112.
- ⁵⁷ *Veito O.* Op. cit. S. 309.
- ⁵⁸ *Стеблин-Каменский М. И.* Грамматика норвежского языка. С. 152.
- ⁵⁹ Там же. С. 150–151.
- ⁶⁰ *Kristensen V.* Op. cit. P. 36.
- ⁶¹ *Veito O.* Op. cit. S. 309.
- ⁶² *Клейнер Ю. А.* Типы просодических и супraseгментных явлений: Автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. СПб., 2000.
- ⁶³ *Берков В. П.* Краткий очерк фонетики и грамматики норвежского языка // *Берков В. П.* Русско-норвежский словарь. Осло, 1994. С. 921.
- ⁶⁴ *Faarlund J. T., Lie S., Vannebo I.* Op. cit. S. 447.
- ⁶⁵ *Vannebo Kj. I.* Tid og årsak // *Språknytt.* 2000. 3. S. 23.
- ⁶⁶ *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. М.; Вена, 2000. Т. III. С. 139–157.
- ⁶⁷ *Малаховский Л. В.* Теория лексической и грамматической омонимии. Л., 1990. С. 98.
- ⁶⁸ *Алпатов В. М., Вардоль И. Ф., Старостин С. А.* Грамматика японского языка. М., 2000. С. 13.